

III. Выбор свободы

Что делать?

Целиком, казалось бы, погруженный в мир природы, Кропоткин не теряет интереса к событиям общественной жизни в России. В начале августа 1781 г., когда Кропоткин находился в Швеции, в газетах появилась краткая информация о процессе по делу группы Сергея Нечаева. Поводом для привлечения нескольких молодых людей к суду послужило убийство одного из участников группы студента Иванова, только лишь заподозренного в том, что он может выйти из тайной организации и рано или поздно о ней рассказать.

Бывший учитель из текстильного села Иваново, Сергей Нечаев появился в Петербурге в 1868 г. Этого человека, несомненно, незаурядного, волевого, авторитарного, переполняла ненависть ко всему обществу. И даже к своим соратникам он относился с презрением. Одна идея террора ради достижения революционного переустройства всецело захватила его.

На суде, состоявшемся в Петербурге летом 1871 года, раскрылось многое. Был зачитан составленный Нечаевым «Катехизис революционера». В нем оправдывались любые средства для достижения благородной цели социальной справедливости. Революционеру позволено нарушать все нравственные нормы ради грядущей победы: можно прибегнуть к обману, провокациям, террору.

Революцию он понимал лишь как разрушение. Строить новое общество предстоит следующему поколению.

В ноябре 1869 года Нечаев приехал в Женеву, где встретился с Бакуниным и сначала произвел на него благоприятное впечатление своей энергичностью и уверенностью. На самом деле он ввел Бакунина в заблуждение, рассказав, что якобы возглавляет большую организацию, а сам бежал из Петропавловской крепости. Вернувшись в Россию, Нечаев выдавал себя за посланца Бакунина, хотя он таковым не был.

Процесс над нечаевцами шел без участия самого Нечаева, который скрылся за границу и вызвал к себе двойственное отношение общественности. С одной стороны, привлеченные по процессу молодые люди, решившие бороться за освобождение народа, не щадя собственной жизни, не могли не вызвать уважение. Однако принципы Нечаева, на которых это освобождение должно было бы основываться, встретили всеобщее осуждение. Причем, именно в революционных кругах России.

В 70-х годах русские нигилисты категорически отвергли нечаевские методы революционной борьбы, хотя время показало их необычайную живучесть. Недавно стало известно, что личностью Нечаева восхищался не кто иной, как В. И. Ульянов-Ленин,

осуществивший то, что замышлял Нечаев спустя сорок с лишним лет.

Кропоткин в письме из Таммерфорса просит брата сохранить до его приезда номер «Петербургских ведомостей», где печатался стенографический отчет о процессе над нечаевцами.

Бродя в одиночестве по финляндским холмам в поисках удобных для изучения обнажений слагающих их пород, Кропоткин мучительно размышлял над вставшими перед всем русским обществом проблемами. Как жить дальше? Что делать? Как добиться преобразования самодержавного государственного строя, не соответствовавшего духу времени? Путь реформ, которым пошла Англия, раньше всех установившая у себя конституционное правление, для Росси вряд ли приемлем - она отстала от Европы, и, может быть, у нее свой путь? Путь к преобразованиям через общину, нигде больше не сохранившуюся?

Но путь медлительных реформ уже завел в тупик. Даже он оказался несовместимым с сохранением самодержавия. Для свержения его не избежать революции, первый шаг в направлении к которой сделан декабристами. Какими же методами должна вестись революционная борьба? Декабристы были людьми высокой нравственности. Но вот Нечаев... Возможна ли эта его «революционная» мораль - по сути отрицание морали? Нет, это ложный путь. Нельзя допустить, размышлял Кропоткин, чтоб нечаевские приемы и вся его иерархическая система организации восторжествовали. Нужно противопоставить ей другое...

У бакунинцев в Швейцарии

Выбор сделан. В феврале 1872 года секретарь отделения физической географии князь Кропоткин берет отпуск и едет в Швейцарию. О цели своей поездки никому, кроме брата Саши, не рассказывает, но она ведь могла быть просто познавательной. В Цюрихе тогда была довольно большая русская колония, состоявшая в основном из студенток университета и Политехнического института. Начиная с 1868 года, в Швейцарию каждый год приезжали по 15-20 девушек из России - получить высшее образование, права на которое они были лишены на родине. В 1872 году их приехало сразу больше сотни, и славянская колония, в которую входило, кроме русских, поляки, болгары, сербы, увеличилась до трехсот человек. Помимо учащейся молодежи, в Цюрихе обитали и политические эмигранты; ждали приезда Лаврова и, конечно, Бакунина, который жил неподалеку, в Локарно.

Русское правительство решило «положить конец этому ненормальному движению», - так было сказано в сообщении, опубликованном в мае 1874 г. в «Правительственном вестнике». Предписывалось всем студенткам немедленно вернуться в Россию, а затем - в шестимесячный срок - еще девятнадцати российским подданным и среди них - «дворянину Михаилу Бакунину, отставному полковнику Лаврову, дворянину Николаю Огареву...»*

Конечно, никто не подумал откликнуться на этот приказ: формировалась группа политических эмигрантов. В Цюрихе открылись русская библиотека и типография, основанные ближайшим сподвижником Бакунина Михаилом Сажиным¹. В типографии

печатались бакунинские книги, в которых он развивал идеи безгосударственного общества. Еще год назад в Юрских горах Швейцарии Бакуниным была создана Юрская Федерация Интернационала, объединившая в основном рабочих-часовщиков, живших в небольших городках Невшатель, Шо-де-фон, Сент-Имье, Сонвилье. Юрцы заняли оппозицию по отношению к возглавлявшемуся Марксом Генеральному совету Интернационала, который исключил в конце концов федерацию из Международного товарищества рабочих. И она существовала автономно, не подчиняясь указаниям Генсовета.

1 ГАРФ, ф. 7026, ед. хр. 3.

Кропоткин приехал в Цюрих именно для того, чтобы разобраться в Интернационале: «Я догадывался, что это должно быть великое движение, имеющее богатое будущее, но я не мог хорошо уловить его цели»². Вступить в Интернационал было несложно - достаточно иметь лишь желание: Кропоткин сразу же это сделал по приезде в Цюрих, где снял маленькую комнату на Оберштрассе (на этой улице в основном селились русские), и Софья Лаврова принесла ему книги, брошюры, газеты - целую кипу литературы. Дочь ссыльного поляка О. С. Чайковского, воспитывавшуюся в семье Н. Н. Муравьева-Амурского, он знал еще с Иркутска. Сестра Софьи вышла замуж за брата Кропоткина - Александра. Их дружба продолжится многие годы. Она примет участие в организации его побега, а пока снабжала социалистической литературой. «Я читал целые дни и ночи напролет, и вынесенное мною впечатление было так глубоко, что никогда ничем не изгладится... Совершенно новый мир социальных отношений и совершенно новые методы мышления и действия раскрываются во время этого чтения...»¹.

2 Записки, С. 166.

1 Там же, С. 169.

У Сони Лавровой вечерами собирались русские эмигранты и студенты. За самоваром они обсуждали социально-политические проблемы, и в этих разговорах Кропоткин находил подтверждение своим мыслям, которые рождались еще у костра в сибирской тайге и во время одиноких переходов в Финляндии. Ему уже стало ясно, что эволюция общества зависит от того, чего хотят люди все вместе, от суммы единичных волей. Та же мысль высказана Львом Толстым в «Войне и мире». Чтобы определить интеграл этих волей, нужно жить среди людей постоянно общаться с ними, узнавать об их потребностях и стремлениях, обобщать факты, анализировать. Это как в метеорологии - чтобы составить верный прогноз погоды, нужно знать распределение атмосферного давления во множестве точек и выявлять области его минимумов давления (циклонов) и максимумов (антициклонов).

Он едет в Женеву, где находился русский центр Интернационала, и социалисты проводили большие митинги в бывшем масонском храме Femples Unique, который был и клубом, и университетом. В комнатах храма работали образовательные кружки, в которых изучалась не только социалистическая литература, но и химия, физика, история. И все - совершенно легально, на основе закона о свободе слова. Для приезжего из России - это удивительно. Но еще больше Кропоткин был удивлен тем, что в Русской секции Интернационала, в среде революционеров царят бюрократические отношения, характерные для российского

чиновничества.

Один из руководителей социалистической агитации был участник первого общества «Земля и Воля», возникшего в России в 1861 году, Николай Утин. Так вот этот революционер занимал роскошную квартиру и как-то свысока относился к простым рабочим, а главное - не чужд был интриганству, духом которого была насыщена атмосфера Международного товарищества рабочих, созданного К. Марксом. Понял и Утин, что Кропоткин скроен из какого-то другого материала: «Нет, вы к нам не вернетесь...», - сказал он, прощаясь с Кропоткиным, который отправлялся в окруженный горами Невшатель к бакунинцам - «федералистам», расхоронившимся с марксистами в отношении к государству и к централизованной структуре самого Интернационала.

Около недели провел Кропоткин среди часовщиков Невшателя. Потом побывал в Сонвилье. Здесь встретился с такими активными деятелями Юрской федерации, как Джеймс Гильом, коммунар Парижа Бенуа Маломом, писавший книгу о днях Коммуны, и Адемар Швицгебель, друг Бакунина. Знакомство с ними оказало на Кропоткина сильнейшее влияние. Он заметил, что в Юрских горах не было того противостояния руководителей и рядовых членов организации, какое он видел в Женеве. Адемар Швицгебель, будучи секретарем федерации, продолжал зарабатывать на жизнь часовым ремеслом. В соседней деревне завязался оживленный разговор о социальных проблемах с часовщиками. Они пришли, несмотря на непогоду, из других деревень, некоторые за десять километров, - специально, чтобы встретиться с «товарищем из России».

Кропоткин поддержал Бакунина в его критике государственного социализма, приверженцем которого был Центральный совет Интернационала. Он был убежден, что государство, тем более в форме диктатуры, не совместимо с социализмом, который при сохранении государственной организации неизбежно разовьется в экономический деспотизм.

Освобождение народа не произойдет при замене одной формы власти другой. Строительство нового общества на обломках государства - дело других поколений.

Влияние Бакунина на юрских часовщиков было огромным, но оно было преимущественно нравственным. Он никогда не допускал подавления людей своим авторитетом. В Швейцарии им был создан центр пропаганды анархизма, откуда идеи безвластия стали распространяться в другие страны. С энтузиазмом Петр Кропоткин воспринял эти идеи. Впоследствии он очень жалел о том, что не встретился тогда с Бакуниным, не съездил к нему в Локарно. Поговорить с ним было необходимо, поскольку одно место в программе юрских федералистов Кропоткин принял не сразу, а только после мучительных раздумий в бессонные ночи. Это пункт о неизбежности революции, еще более грандиозной, чем Великая Французская, свершившаяся всего лишь 80 лет назад. Кропоткин приходит к убеждению, что процесс постепенных эволюционных изменений закономерно прерывает революционный скачок, резко меняющий темп эволюции. Ускоряя эволюцию, он спасает общество от застоя и загнивания. «Вопрос не в том, как избежать революции, - говорил он, - ее не избегнуть, а в том, как достичь наибольших результатов при наименьших размерах гражданской войны, то есть с наименьшим числом жертв и по возможности не увеличивая

взаимной ненависти» 1.

1 Записки, С. 179.

Как этого достичь? И сторонники Бакунина, и марксисты считали, что без жертв никак не обойтись, они неизбежны в революции, а ее успех окупает все жертвы. У Кропоткина появился свой взгляд на эту проблему: при подготовке революции надо достичь такого состояния в обществе, когда новые идеалы, которыми вдохновляются угнетенные классы, осуществляющие революционный поворот, глубоко проникнут в сознание людей того самого класса, экономические и политические привилегии которого предстоит разрушить. «...Исход борьбы будет зависеть не столько от ружей и пуль, сколько от творческой силы, примененной к переустройству общества на новых началах. Исход будет зависеть в особенности от созидательных общественных сил, перед которыми на время откроется широкий простор, и от нравственного влияния преследуемых целей, и в таком случае преобразователи найдут сочувствующих даже в тех классах, которые были против революции...» 1

1 Записки, 179.

К такому пониманию сущности революции, отличному от представлений и Маркса, и Бакунина, Кропоткин пришел еще в 1872 году, когда ознакомился с Центром социалистического движения в Швейцарии. С этими мыслями он уезжал на родину. Путь пролегал через Бельгию, где пришлось снова столкнуться как с централистскими, так и федералистскими настроениями среди социалистов.

Возвращаясь в Россию, Кропоткин вез чемодан с нелегальной литературой, которую очень рассчитывал как-то переправить через границу. Проехав Вену, он свернул в Краков, где и нашел контрабандистов, согласившихся переправить «нелегальщину» всего за двенадцать рублей...

«В тесной семье друзей...»

«Честные контрабандисты» не обманули - на условленной станции уже по другую сторону границы опасный чемодан был снова в руках его владельца. В Петербурге Петр сразу поехал к брату - показать не без риска доставленные «трофеи». Оба согласились в том, что все эти книги, несомненно, очень кстати поступили в Петербург. Именно сейчас, когда началось повальное увлечение молодежи социализмом. Возникали «кружки самообразования», где молодые люди изучали новейшую социалистическую литературу и постепенно начали распространять свои знания в народе.

С этими кружками и решил связаться Петр Кропоткин, обогащенный знанием, полученным в Европе. Александр же, так и не найдя в Петербурге дела, которому он мог бы посвятить себя целиком, уехал в Швейцарию, стал сотрудничать с П. Л. Лавровым.

В университете у Кропоткина, чувствовавшего себя «переростком», был только один друг, хотя моложе его на 6 лет - Дмитрий Клеменц. Он оказался близок по духу, оставил университет, приняв такое же, как и Кропоткин, решение, но немного раньше. Потом он тоже станет крупным ученым, но сейчас совесть заставляет его отдать свои силы служению обществу.

Вот как писал о своем друге Кропоткин: «Жил он бог весть как. Сомневаюсь даже, была ли у него постоянная квартира... То немного, что он зарабатывал... с избытком покрывало его скромные потребности, и, кончив работу, Клеменц плелся на другой конец города, чтобы повидаться с товарищами или помочь нуждающемуся приятелю... Он, несомненно, был очень талантлив. В Западной Европе гораздо менее одаренный человек, чем он наверное, стал бы видным политическим или социальным вождем. Но мысль о главенстве никогда не приходила ему в голову. Честолюбие было ему совершенно чуждо»¹.

1 Записки, С. 186.

В мае 1872 года Дмитрий Клеменц привел Петра Кропоткина в одно из многочисленных тогда объединений молодежи. Это был известный в Петербурге «кружок чайковцев». Назывался он так по имени одного из активных его членов Николая Чайковского, студента-химика, но не потому, что тот был организатором или руководителем кружка: он просто ведал внешними связями, и, может быть поэтому, имя его было более известно, чем его знали другие. В тех молодежных кружках самообразования, которых возникало много в Петербурге да и в других городах России в начале 70-х годов, свято соблюдался принцип неавторитарности. Собственно, и возникли эти кружки в стремлении противостоять программе Сергея Нечаева, в которой ставка делалась на личность сильного, неконтролируемого лидера и строгую иерархию подчинения.

Еще весной 1869 года в Петербургском университете и других столичных институтах прошли студенческие волнения, причины которых были чисто академическими: студенты требовали изменения учебного устава.

Среди студентов выделился студент Медико-хирургической академии Марк Натансон, человек умный, волевой, энергичный. Но тут неожиданно появился приехавший из Швейцарии, никому пока не известный Сергей Нечаев. Ссылаясь на полномочия, якобы полученные от Бакунина, он стал призывать студентов к организации политической демонстрации, которая, по его замыслу, послужит сигналом к народному восстанию. В том, что народ к нему уже готов, Нечаев не сомневался.

Несмотря на ораторское искусство Нечаева, много выступавшего, студенты не поддержали призывы к немедленному бунту. Нечаев покинул Петербург, вызвав среди молодежи скорее отрицательное к себе отношение.

Кружок «чайковцев» обосновался в квартире на Кабинетной улице, хозяйкой которой считалась Вера Корнилова, дочь крупного фарфорового фабриканта. Марк Натансон с женой, Николай Лопатин и Михаил Куприянов значились квартирантами. Остальные приходили по вечерам: обычно собирались вокруг самовара все пятнадцать членов кружка.

Никакого устава кружок не имел, никаких формальностей при вступлении не было. Требовалось только желание вступить и согласие всех принять этого человека в свой круг. Единство взглядов на основные проблемы реальной жизни, высота и твердость моральных принципов, искренность и правдивость - вот качества, которыми должен обладать «чайковец». Все участники были совершенно равны в своих правах и обязанностях. Никакого командования и принуждения совершенно не допускалось. Дисциплина согласовывалась со свободным самоуправлением каждого. Но действовали принципы нравственной солидарности и безусловного доверия друг к другу.

Первоначально собирались для того, чтобы совместными усилиями расширить круг знаний каждого. Готовились рефераты книг по истории и экономике, которые обсуждались совместно, устраивались чтения вслух новинок литературы. Затем от самообразования перешли к так называемому «книжному делу». Речь шла о скупке и распространении книг, которые могли бы содействовать развитию социального сознания народа. Составлен был список книг для распространения из 33-х названий. Книги покупали в магазинах, стараясь быстрее скупить те, которые могли быть конфискованы жандармами, - тут надо было успеть до и прихода.

Потом появилась группа переводчиков. Были переведены на русский язык и изданы в Женеве книги Фурье, утопических социалистов, Консидерана, но кроме того, и научные книги, например, «Естественная история мироздания» Геккеля. Анатолий Сердюков и Михаил Куприянов организовывали переправку книг из-за границы. В пределах же России книги распространялись через кружки-филиалы, с которыми держали связь все кружковцы. Часто выезжали они из Питера то в Одессу, то в Москву, то в Киев ил Харьков, Саратов... Вроде бы, безобидное дело. Но в Российской империи непозволительное.

Летом 1871 года жандармы напали на след «книжников»: без суда Натансон был выслан на Север, Чайковский на полгода упрятан в тюрьму. Захваченная литература сожжена. Но оставшиеся на воле быстро восстановили прежнюю активность, и дело продолжалось.

К осени число членов кружка возросло до семнадцати, а весной 1872 - до девятнадцати. Тогда были приняты Сергей Кравчинский, выпускник артиллерийского училища, и Петр Кропоткин, ученый-географ. Он стал самым старшим по возрасту членом кружка. Ему было тридцать, в то время как большинство составляли ровесники Кравчинского, котором ушел двадцать первый год, а двум самым южным кружковцам - Соне Перовской и Мише Куприянову - было лишь по восемнадцать.

Появление среди «чайковцев» Кропоткина, ученого, да к тому же еще аристократа, с внушительной пышной бородой, не внесло в кружок диссонанса. Новичка приняли с доверием, он произвел на всех самое благоприятное впечатление своей простотой и искренностью, и сразу предложил содействовать созданию при дворе «партии конституции», используя свое происхождение и юношеские связи. Предложение это предполагало двойственную роль Кропоткина при дворе и было отвергнуто: обман неприемлем для «чайковцев».

Вместе с Кравчинским, уже начинающим писателем (потом он станет известен под псевдонимом Степняк), Кропоткину было поручено вести все литературные дела кружка, прежде всего - сочинять книжки для народного чтения. За дело взялись охотно. В нем принял участие еще один «чайковец» - член московского кружка Лев Тихомиров, которого друзья звали «Тигричем». Кропоткин и Тихомиров написали «Сказку о четырех братьях и об их приключениях» и популярно изложенное историческое сочинение «Емельян Пугачев, или бунт 1773 года». Обе книжки были изданы «чайковцами» в Женеве.

Литературным и идейным вдохновителем «чайковцев» был потомственный рязанский дворянин В. Берви-Флеровский. Его книги «Положение рабочего класса в России» и «Азбука социальных наук», написанные прекрасным языком, доказывали необходимость социального переустройства общества на основе не классовой вражды, а сотрудничества. «Не подлежит сомнению, что обществу придется сначала основательно освоиться с идеей о товарищеских отношениях между капиталистами и рабочими...» Берви-Флеровский звал к нравственной революции внутри каждого человека, которая, несомненно, приведет к революции социальной, но без той жестокой борьбы людей между собой, которая лишь ослабляет человека и замедляет продвижение общества по пути к счастью.

Другой кумир «чайковцев» - Петр Лавров. По существу, и Лавров, и Берви говорили одно и то же, но различия были. Они заставляли сомневаться. И вызывали желание докопаться до истины. В результате споры в кружке продолжались по многу часов. Среди книг, распространявшихся кружковцами, был и «Капитал» Карла Маркса, первый том которого в 1866 году появился в переводе на русский язык. И эта книга, помимо несомненного уважения к титаническому труду автора, тоже вызвала споры. В частности, Кропоткин находил, как ему казалось, погрешности в математических выкладках Маркса.

Формы деятельности кружка постоянно менялись. Продолжая заниматься «книжным делом», «чайковцы» переходят к непосредственному общению с рабочими петербургских заводов и фабрик.

Постепенно возникли кружки в Москве, Одессе, Казани и других городах, образуя целую сеть, которую потом называли Большим обществом пропаганды. Его ядром был кружок «чайковцев» в Петербурге.

На всю жизнь остались друзьями Кропоткин и другие «чайковцы»: бывший офицер Леонид Шишко, студент-вятнич Николай Чарушин, Сергей Синегуб - сын помещика и поэт, студент Александр Левашов да и сам Николай Чайковский, в характере которого все отмечали исключительную доброту и мягкость... Все они были людьми высокой нравственности, и это их объединяло.

Пройдет меньше десяти лет, и та самая Софья Перовская, которая была любимицей «чайковцев», с гордо поднятой головой взойдет на эшафот: ее, дочь генерала, бывшего одно время петербургским губернатором, повесят как одного из организатором убийства императора Александра II.

«Со всеми женщинами в кружке у нас были прекрасные товарищеские отношения, но Соню Перовскую мы все любили...» - писал Кропоткин. «Она очаровывала своим умом, покоряла непреодолимо убедительной речью и, главное, умела одушевить, увлечь собственной заразительной преданностью делу», - так охарактеризовал Перовскую другой «чайковец» Сергей Кравчинский, который в те годы стал (и до конца своей жизни оставался) самым большим другом Кропоткина. Отставной артиллерийский поручик, проучившийся два года в Земледельческом институте, Сергей удивлял всех своим талантом полиглота: переводил с французского, немецкого, английского, в том числе перевел капитальный труд французского астронома Камиля Фламариона «Атмосфере». А в переводе с английского нескольких страниц из книги Генри Стэнли «Как я нашел Ливингстона» однажды принял участие и Кропоткин.

Дело было после ссудки, которая затянулась до полуночи; к четырем часам утра перевод, предназначавшийся для журнала «Всемирный путешественник», был закончен.

Опустошив горшок каши, оставленный для них на столе, они отправились домой. И с той ночи стали друзьями на долгие годы: «Я всегда любил людей, умеющих работать и выполняющих свою работу как следует. Поэтому перевод Сергея и его способность быстро работать уже расположили меня в его пользу. Когда же я узнал его ближе, то сильно полюбил за честный, открытый характер, за юношескую энергию, за здравый смысл, за выдающийся ум и простоту, за верность, смелость и стойкость».

«Наш кружок оставался тесной семьей друзей. Никогда впоследствии я не встречал такой группы идеально чистых и нравственно выдающихся людей, как те человек двадцать, которых я встретил на первом заседании кружка Чайковского. До сих пор я горжусь тем, что был принят в такую семью»¹, - писал Кропоткин спустя почти тридцать лет.

1 Записки, С. 188.

Цели, которые преследовали «чайковцы», никак не предполагали насильственного захвата власти, а только просвещение народа, пробуждение в нем гражданской активности, подготовка России к демократическим формам правления, обеспечивающим социальную справедливость. Хотя они следовали атеистическому мировоззрению Герцена, Белинского, Чернышевского и Лаврова, их аскетизм и самоотверженность имели религиозное происхождение. По существу, они вывели свою веру из той, от которой отказались, основав ее на тех же заповедях Нагорной проповеди. Поэтому нетруден был для некоторых возврат назад: к идеям «богочеловечества» (хотя и лишь на время) обратился Чайковский, в православие - Лев Тихомиров, и даже стал убежденным монархистом. Все это будет потом. А пока они - революционеры, готовы жертвовать собой, зная, что за пропаганду идей свободы и справедливости в России не избежать тюрьмы либо каторги.

Аресты начались уже осенью 1873 года. В ночь с 10 на 11 ноября целый отряд жандармов и полицейских нагрянул на квартиру Сергея Синегуба за Невской заставой. Забрали его и Льва Тихомирова, случайно оставшегося ночевать. Потом арестовали Перовскую и еще несколько человек. Возможно, в Третьем отделении еще не представляли себе масштаб организации, распространившейся на всю Россию. Но какие-то подозрения возникли.

Начался поиск. Переодетые жандармы наводнили рабочие районы Петербурга. Однако никаких компрометирующих материалов, ни одного документа, который можно было бы положить в основание обвинения, найдено не было. Но во второй половине ноября 1873 года уже была написана для кружка программная «Записка» Петра Кропоткина.

Не по Нечаеву...

Начинается записка словами: «Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя?»

В ней впервые развивает Кропоткин свою концепцию революционной перестройки общества, основанную на анализе различных течений социалистической мысли и собственного опыта пропагандистской работы. Она противостояла нечаевской программе, направленной на разрушение. Кропоткин вынес на обсуждение кружка прежде всего проблему созидания будущего общества.

У Нечаева же было так: «...Мы прямо отказываемся от выработки будущих жизненных условий как несовместимой с нашей деятельностью... Мы считаем дело разрушения настолько громадной и трудной задачей, что отдаем ему все наши силы и не хотим обманывать себя мечтой о том, что у нас хватит сил и умения на созидание... Пусть новое здание строят новые плотники, которых вышлет из своей среды народ...»

Кропоткин начинает свою «Записку» с обоснования необходимости ориентации на самый высокий идеал. Он в общем-то един для социалистов всех оттенков - возможно более полное равенство условий развития всех членов общества. В понимании Кропоткина это равенство возможностей, но никак не механическое выравнивание самих личностей.

Всякая попытка определить будущий строй точнее - бесполезная и бесплодная трата времени. Нет такого ума, который так далеко вперед мог бы расчертить план будущего. Думая о будущем, он неизбежно будет исходить из сегодняшних представлений, которые изменяются.

В записке многое выглядит наивным и утопичным. И хотя Кропоткин утверждает, что решить в деталях, каким будет будущее общество заранее невозможно, он пытается это сделать. И, естественно, ему это не удается. В его схеме можно обнаружить элементы того самого государственного, регламентированного, казарменного коммунизма, противником которого он себя считал. Но Кропоткиным записана важнейшая мысль на полях рукописи: «Под идеалом мы разумеем такой строй общества, прогресс которого основан не на борьбе людей с людьми, а людей - с природой». Кропоткин всегда считал общество генетически связанным с природой, и в этой фразе нашло отражение гуманистическое начало социологической концепции Кропоткина и ее экологичность, ибо слова «борьба с природой» надо понимать не как уничтожение природы, а стремление к гармонизации отношений с ней человека - порождения природы и части ее.

Записку Кропоткина обсуждали на нескольких вечерних собраниях кружка. Она вызвала оживленные споры, и все же была одобрена. Ее начали переписывать набело, чтобы распространять в провинциальных филиалах. А Петру было поручено написать более краткую и четкую «Программу революционной пропаганды». В ней он ставил задачу приступить к организации революционной партии, понимая ее не как сплоченную, дисциплинированную уставом организацию, а лишь как идейный и тактический союз интеллигенции в первую очередь с крестьянами и с рабочими: «Прежде всего мы глубоко убеждены в том, что никакая революция невозможна, если потребность в ней не чувствуется в самом народе. Никакая горсть людей, как бы энергична и талантлива она ни была, не может вызвать народного восстания, если сам народ не доходит... до сознания, что ему нет другого выхода из положения... Поэтому главное - вести пропаганду среди крестьян, идти в народ».

После обсуждения программы в Петербурге Кропоткин едет в Москву, где в одном из хорошо ему знакомых домов Пречистенки читает ее московскому филиалу кружка. Здесь присутствуют Сергей Кравчинский и Дмитрий Рогачев, только что вернувшиеся из Тверской губернии. Два бывших офицера, они ходили по деревням как пильщики и подбивали крестьян выступить за справедливый раздел земли, находя поддержку в текстах Евангелия. Их встречали как новых апостолов. Но все же нашлись мужики, которые донесли на пришлых смутьянов. К счастью, им удалось скрыться.

И вот они вместе с другими московскими кружковцами обсуждают план дальнейших действий. В программу Кропоткина внесены поправки и дополнения. И единодушно решено - с наступлением весны все чайковцы идут «в народ». А осенью соберутся на съезд, где будут обсуждены результаты летних походов.

Однако все получилось иначе.

Уже с мая 1873 года в жандармском ведомстве было возбуждено дело о широком распространении в народе книг революционного содержания. На основании подготовленных следствием материалов министр юстиции граф Пален заключил свой доклад таким выводом: «В России существуют тайные и противозаконные общества, имеющие целью ниспровержение государства, всего существующего порядка и водворения полнейшей анархии». Впервые в правительственных документах России появляется слово «анархия».

На протяжении двух столетий оно будет исправно служить государственной власти в качестве надежного жупела, как синоним беспорядка и хаоса, противопоставляемый существующему порядку - идеальному, раз и навсегда установленному состоянию общества. Всякое покушение на этот порядок, даже просто критика, по убеждению властей, неизбежно ведет к анархии и всеобщей гибели.

Осуществление идеала должно совершиться путем социальной революции. Но далеко не сразу. За одной революцией последует другая, за ней - третья. И чем полнее будут выполнены задачи предыдущей революции, тем более мирными будут последующие перевороты.

Таким был ход рассуждений Кропоткина, которыми он поделился с «чайковцами».

Триумф в науке и... арест

Новый 1874 год Кропоткин встретил не с ими, а как подобает князю - в «избранном обществе», достаточно либерально настроенном. Рекой лились торжественные речи об обязанности служить родине и народу, о необходимости перемен в государственном управлении, чтобы опять-таки обеспечить благо народу. Говорили красиво, но чувствовалось, что на самом деле ораторы были обеспокоены прежде всего собственным благом.

Кропоткин покинул праздничный зал наутро и, переодевшись, отправился в один из домов за Нарвской заставой, где проходила сходка ткачей. В крестьянской одежде он уже мало чем отличался от окружающих, выделяясь разве что бородой, за которую получил от ткачей прозвище «Бородин». Оно стало его конспиративным именем.

Бородин рассказывал ткачам о том, как борются за свои права рабочие в Европе, объединившись в Международное товарищество - Интернационал, как добиваются выполнения своих требований с помощью демонстраций и стачек. Его слушателей интересовало, возможно ли подобное в России, ведь полиция их может выследить, и тогда - каторга, Сибирь...

«Ну, что ж, и в Сибири люди живут», - парировал он и рассказывал об удивительной природе Сибири и живущих в ней людях.

Особенной популярностью у рабочих пользовался студент-медик Александр Низовкин, которому удавалось искусно подладиться под простонародный стиль поведения и одежды. Он носил сапоги, рубаху навыпуск, нарочито огрублял свою речь. Нельзя сказать, что рабочие хуже относились к другим пропагандистам - и Кравчинского, и Шишко, и, конечно, Кропоткина они слушали с огромным вниманием, но налет образованности некоторую дистанцию все же создавал.

Выдавать всех на допросах начал именно Низовкин, может быть, он мстил за то, что его не сразу принял в кружок на равных, оставив на время «кандидатом».

В январе жандармами была захвачена квартира на Выборгской стороне, как раз та, где собирались ткачи и где чаще всего бывал Бородин-Кропоткин. Снова несколько членов кружка арестованы.

Оставшиеся на свободе, спешили покинуть Петербург. Чайковский избежал ареста, поскольку еще в прошлом году уехал в Орел к проповеднику идей богочеловечества Маликову и увлекшись его мистическим учением, отправился с ним в Америку. Там провел несколько лет, пытался организовать сельскохозяйственные коммуны. Кравчинский и Клеменц продолжили свое «хождение в народ» в Поволжье. Из «чайковцев» в городе оставалось человек пять-шесть, из которых прежде всего следовало бы уехать Кропоткину,

в известной степени «идеологу» кружка.

В течение еще одной недели забрали всех, кроме Кропоткина и Сердюкова. Было очевидно, что если они задержатся в Петербурге, им также не избежать ареста. Но прежде чем исчезнуть, необходимо было хоть кому-то, кто еще не известен полиции, передать дела громадной столичной организации с филиалами в 37 губерниях. Решили принять в организацию двух новых молодых людей. За несколько вечеров им пришлось запомнить сотни адресов для пересылки книг и десятки шифров, а также информацию о рабочих кружках, которые еще продолжали действовать. А потом Сердюков съехал со своей квартиры, и следы его затерялись. То же самое следовало сделать и Петру Алексеевичу. Но...

Ведь он был географ, член научного общества, причем весьма уважаемый своими коллегами, которые связывали с ним известные надежды на развитие отечественной науки. И он не мог позволить себе исчезнуть даже в сложившейся опасной ситуации, прежде чем выступит с отчетным докладом о своих исследованиях ледниковых отложений в Финляндии и Швеции. Приглашения на заседание Географического общества были разосланы на 14 марта 1874 года. Но получилось так, что на тот же день назначили заседание петербургских геологов. По их просьбе общее собрание Географического общества, на котором предполагался доклад Кропоткина, было перенесено на неделю. Эта неделя сыграла свою роковую роль.

И вот 21 марта. Кропоткин ждал этого дня с большим нетерпением. Еще бы! Каждый день вокруг дома бродили какие-то странные люди, заходили в дом, спрашивали, не продаст ли князь лес в своем тамбовском имении, где никакого леса и быть не могло, потому что имение находилось в безлесной степи. Конечно, это были шпики, которые должны были проверить невероятное с точки зрения жандармов предположение, что Бородин, приходивший к ткачам в крестьянском полушубке, и его светлость князь Кропоткин одно и то же лицо. Среди этих странных людей заметил он однажды знакомого ткача, которого, по слухам, недавно арестовали. Скорее всего, ткач здесь появился для опознания.

Доклад, сделанный в тот день Кропоткиным, вызвал большой интерес. Он содержал доказательства того, что ледниковый покров распространялся в прошлом далеко на юг по Восточно-Европейской равнине. Только ледниками могли быть вынесены вплоть до нижнего течения Днепра и в долину Дона валуны, сложенные из пород Скандинавии. Льдины, дрейфующие в холодном море, не способны перенести такое количество валунов, да еще испещрить их мелкими штрихами, направленными строго на северо-запад, показывая направление, откуда двигался лед.

Большинство ученых с возможностью полного равнинного оледенения так и не согласилось. Тогда известный русский геолог Николай Павлович Барбот де-Марни заметил: «Был ли ледяной покров или нет, но мы должны сознаться, господа, что все, что мы до сих пор говорили о действии плавающих льдин, в действительности не подтверждается никакими исследованиями». С грустью он добавил: «Утратив эту гипотезу, геологи как бы осиротели...» Тогда-то Кропоткину подумалось, что необходима книга о ледниковых исследованиях, которая, возможно, уменьшит число сомневающихся.

В конце заседания осуждался вопрос о новом председателе отделения физической географии в связи с тем, что П. П. Семенов был избран вице-президентом всего Общества. Возглавить это отделение предложили Кропоткину, доклад которого, несмотря на возникшие разногласия, был признан блестящим. Но предложение, столь лестное для ученого, не мог принять Кропоткин, судьба которого теперь зависела от многих обстоятельств, никак не связанных с деятельностью Географического общества.

Узник крепости

После доклада он пришел к себе домой, на Малую Морскую, сильная усталость свалила с ног. А утром стал тщательно разбирать архив, сжигая все, что может вызвать подозрения. На следующий день, в сумерках, собрав вещи, вышел по черной лестнице из дома, вскочил в дрожки и - на Николаевский вокзал. Он недалеко. Оттуда - на поезд - и в Москву.

Погони не было. Но на Невском проспекте, около здания Городской думы, вдруг появился извозчик, который гнал вскачь и вскоре стал обгонять. И на дрожках - то же арестованный ткач из рабочего кружка. Рядом с ним неизвестный. Знакомый ткач жестом попросил подождать, мол, хочет что-то сказать. Кропоткин остановил своего извозчика, подумал, что, может быть, ткач освобожден. Но тут другой на дрожках громко окликнул: «Господин Бородин, князь Кропоткин! Я вас арестую!» - и ловко перепрыгнул в коляску к Кропоткину. Неизвестный показал приказ о доставке задержанного к генерал-губернатору для объяснений. Вокруг - толпа полицейских: сопротивляться бесполезно, тем более - бежать.

Но повезли почему-то Кропоткина к прокурору, которого пришлось в приемной ждать несколько часов. Потом - на квартиру арестованного, где произвели обыск. Он длился до трех часов утра. Ничего компрометирующего не удалось найти. Но это не меняло дела.

В ту же ночь состоялся первый допрос. Было предъявлено обвинение в принадлежности к тайному обществу, имеющему целью ниспровержение существующей формы правления, и в заговоре против священной особы его императорского величества.

На вопросы арестованный отвечать отказался, потребовав гласного суда над собой. Но по характеру вопросов он понял, что жандармы практически ничего существенного о кружке еще не узнали, и им приходится фабриковать улики. Так, найдя пустой конверт с адресом Полякова, спутника Кропоткина по Олекминско-Витимской экспедиции, они вложили в него шифрованную записку. И хотя студент университета Иван Поляков никаких связей с кружком не имел, его арестовали и продержали в тюрьме недели три. Петр Алексеевич, пытаясь защитить друга, потребовал представить ему показания Полякова, который, якобы, во всем признался. Но их, очевидно, не было. Следствию помог заключенный «чайковец» Александр Низовкин, тот, что пользовался особым доверием у рабочих... Подробно рассказав о деятельности кружка, он фактически выдал всех его участников.

После первого допроса, длинного, но абсолютно безрезультатного, Кропоткина пригласили в карету. Рядом сел офицер-жандарм, имевший инструкцию не разговаривать с арестованными и поэтому не отвечавший ни на какие вопросы. Карета покатила по Марсову

полю, вдоль каналов, выехал на Дворцовый мост: «Я понял, что меня везут в Петропавловскую крепость. Я любовался рекой-красавицей, зная, что нескоро увижу ее опять. Солнце близилось к закату. Тяжелые серые тучи нависли на западе над Финским заливом; прямо над головой плыли белые облака, разрываясь порой и открывая клочки голубого неба. Проехав мост, карета повернула налево. Мы въехали под мрачный свод, в ворота крепости» 1.

1 Записки, С. 207.

Узника облачили в арестантское платье: зеленый фланелевый халат, бесконечной длины шерстяные чулки, чудовищного размера желтые туфли.

Все. Нет больше князя Кропоткина - камер-пажа императора. Нет члена-сотрудника Географического общества, исследователя ледникового периода, нет Кропоткина - члена Юрской федерации Интернационала и даже агитатора Бородина нет. Все это в прошлом. А в настоящем - арестант, обитатель темной и сырой камеры N 52 каземата Трубецкого бастиона.

Глубокая, мертвая тишина окружила его, когда захлопнулась тяжелая дверь камеры: ни малейшего звука, ни шороха. Камера представляла собой помещение для большого крепостного орудия. Толстенные стены, оклеенные желтыми обоями, под которыми проложен звукоизолирующий слой войлока, поглощали все шумы.

Пока Кропоткин осваивался с камерой, кабинет министров собрался для обсуждения вопроса о революционном движении, хождении молодежи «в народ» и социалистической пропаганде. Министрам были предъявлены захваченные при аресте членов петербургского кружка записка «Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя?» и «Программа революционной пропаганды». Согласно показаниям того же Низовкина, оба документа составлены князем Кропоткиным. Экспертиза почерка подтвердила показания.

Начальник Третьего отделения Потапов сделал «представление» кабинету министров от 4 марта 1875 г.: «Ряд дознаний, произведенных в последние месяцы, приводит к убеждению, что революционная программа Кропоткина неуклонно применяется на деле многочисленными агитаторами, рассеивавшимися по всей империи и везде идущими одним и тем же путем. Как руководство и пособие к этой преступной деятельности, создавалась особая литература народных книг и брошюр, грозящая извратить здравый смысл народа и подорвать в нем преданность царю и доверие к правительству... Пропаганда ведется... повсеместно и - что особенно важно - везде по одной и той же программе. Число лиц, привлеченных к дознанию, достигает уже двух тысяч и ежедневно возрастает: из них было подвергнуто аресту более 450 человек, против которых собраны особенно важные улики; но многие ускользают от преследования вследствие неуловимости самих признаков совершенного ими преступления»1.

1 Голос минувшего. СПб. 1913, N 4, С. 23.

Кабинет министров, рассмотрев доклад Потапова и приложенные к нему документы, пришел к убеждению: «подобный бред фантастического воображения не может возбудить к

себе сочувствия, но для того, чтобы общественное мнение отвратилось от провозвестников такого учения, начала этого учения не должны оставаться во мраке». Поэтому было принято решение сделать процесс гласным, хотя «опубликование его материалов должно производиться с крайней осторожностью».

Суд состоялся лишь через два с половиной года. Все это время «чайковцы» содержались в самых мрачных крепостях Петербурга. Тишина Петропавловской крепости создавала ощущение полного одиночества, и Кропоткин долго даже не догадывался, что кто-то еще может быть рядом. Лишь через год он обнаружил, что в камере слева от него сидел Анатолий Сердюков, с которым они начали перестукиваться.

История крепости, воздвигнутой императором Петром I прямо напротив царского Зимнего дворца, на другом берегу Невы, была трагической и зловещей. Узниками ее казематов были и царевич Алексей, сын Петра I, и легендарная княжна Тараканова, и декабристы. А совсем еще недавно в них сидели Федор Достоевский и Михаил Бакунин, Николай Чернышевский и знакомый Кропоткину по Сибири поэт Михаил Михайлов. Неподалеку, в Алексеевском рavelине, находился Нечаев, осужденный на пожизненное заключение. Однажды в одной из книг тюремной библиотеки Кропоткин обнаружил ясно очерченное сочетание букв и цифр, складывавшихся так: «Нечаев 1873». Стало быть, совсем еще недавно «антипод» чайковцев был жив. Приговоренный в 1871 году на 20 лет каторги он выдержал 10 лет заключения в крепости и умер в 1882-ом в тридцатипятилетнем возрасте.

А Кропоткин рассчитывал выжить... Лишь бы дождаться суда. Сибирь - то ему не страшна. Ему даже хотелось вернуться туда, чтобы продолжить свои исследования. А пока, нужно себе представить, что состоялась задуманная полярная экспедиция. По камере из угла в угол - всего десять шагов... Если повторить полтора раза будет верста. И он решил делать ежедневно по семи верст... К этим «маршрутам» добавил гимнастику с тяжелой табуреткой. Но важнее, чем физическое состояние, сохранить способность к мысли, к работе ума. Нельзя допустить, чтобы он бездействовал. Хотелось закончить работу о ледниках. Однако просьба выдать письменные принадлежности была отвергнута: бумагу и перья могли дать лишь по личному разрешению царя. Зато книги принесли уже через несколько часов после того, как за Кропоткиным закрылась дверь камеры. Библиотека в крепости собралась за много лет из книг, которые покупали для заключенных родственники.

В каземате Трубецкого бастиона Кропоткина увлекла история, и он попросил родных купить и принести ему многотомную историю Сергея Соловьева и сочинения других историков. Он читал «Жития святых» и русские летописи, с которыми познакомился впервые: «Псковская летопись... так живописна и такой драгоценный материал для понимания средневекового городского уклада, что ни одной, кажется, литературе нет ничего подобного». Над всем прочитанным много думал. Мысль его привлекали вопросы взаимоотношений людей в разные исторические периоды, отношения человека и государства. Летопись отражала демократическую жизнь Пскова, средневекового «вольного города», в управлении которым принимало участие все население, что исключало появление городских «тиранов». Несомненно, это общество было близким к анархическому, в нем не было иерархии власти, и каждый гражданин чувствовал свою ответственность за судьбу города.

Интересно сравнить историческое развитие России и Франции. Кропоткин находит сходство между, например, Людовиком XI и Иваном Грозным в их борьбе с местничеством за централизацию власти. У Петра I и Людовика XIV тоже много общего - оба укрепляли самодержавие. Александр II в какой-то мере шел к своим реформам тем же путем, что и Людовик XVI... И, пожалуй, путь исторического развития двух стран одинаково усеян жертвами, во Франции их, возможно, даже больше.

Чтение побуждало к творчеству, к обобщениям. Но чернил и бумаги не было. И Кропоткин стал в уме составлять популярные очерки из русской истории для народа. Совершая свои ежедневные переходы по камере в семь верст, он сочинял эти очерки, повторяя их про себя много раз. И это как-то спасало от отчаяния.

Тем временем, узнав об аресте брата, из Цюриха, где у него вполне благополучно складывалась жизнь, приехал Александр. Он бросил все и примчался в Россию, которую покинул, как ему казалось, навсегда. С огромным трудом он добился свидания с Петром, когда миновало уже шесть месяцев заключения.

Однажды Петру сказали, что его ведут в Третье отделение. Зачем? На допрос? Но там оказался Саша, с которым не виделись уже два года. При разговоре братьев присутствовали двое жандармов, и мало что можно было сказать друг другу. Когда прощались, Александр пообещал добиться для брата разрешения писать в камере.

Через месяц после ареста П. П. Семенов (Тян-Шанский) направил столоначальнику III Отделения Э. Я. Фуксу письмо:

“ «...Я как вице-председатель Императорского Географического общества имею честь уведомить Вас... что разрешение князю Кропоткину покончить отчет по экспедиции, совершенной им в Финляндию по поручению Общества, было бы крайне желательно в видах научной пользы»*.

Не сразу, но разрешение было дано. 1 сентября, когда шел уже шестой месяц заключения, Ф. Р. Остен-Сакен пишет П. П. Семенову: «Вашему превосходительству, может быть, уже известно о печальной участи, постигшей П. А. Кропоткина. Он арестован и содержится в секрете. Между тем у него находится много книг и ученых материалов, в том числе рукопись о результатах поездки в Финляндию, принадлежащих по праву Географическому обществу...»¹

1 ЦГАДА, ф. 1385, оп. 1, ед. хр. 1535.

Еще раньше, 24 сентября, состоялось заседание Совета Географического общества. Первое, о чем было доложено,- телеграмма от начальника австро-венгерской полярной экспедиции Юлиуса Пайера о благополучном прибытии в норвежский порт Варде. Австрийцы отсутствовали больше двух лет, ледовый дрейф казался бесконечным, но «счастливый случай», как писал сам Пайер, подарил австрийцам открытие архипелага, названного Землей Франца-Иосифа. Это как раз та земля, о возможности открытия которой говорил в своем докладе о проект полярной экспедиции Кропоткин, ссылаясь на расчет Н. Шиллинга.

Но сам он нескоро узнает, что сбылось его предвидение.

А на этом же самом Совете Общества географов Петр Петрович Семенов вспомнил о Кропоткине, которому, как он осторожно выразился «обстоятельства помешали осуществить свои предположения».

Теперь каждый день заключенному в камере N 52 выдавалось по несколько листов бумаги, перо и карандаши - но только «до солнечного заката», зимой это означало - до трех часов дня, летом - до пяти. «Итак, я мог снова работать. Трудно было выразить, какое облегчение я почувствовал, когда снова смог писать. Я согласился бы жить всю жизнь на хлебе и воде, в самом сыром подвале, только бы иметь возможность работать» 1.

1 Записки, С.

Когда уносили перья и карандаши, можно было читать при свете керосиновой лампы: книги по истории, отчеты полярных путешествий, ежеквартальник Лондонского географического общества и древние русские летописи «Жития святых...» Все это было прочитано неоднократно. И множество романов. С особым удовольствием читал он Диккенса.

За книгами и работой можно было на время забываться. Но атмосфера камеры с резкими контрастами температуры, то сырая, то угарная, делала свое губительное дело - здоровье разрушалось изо дня в день. Страшно мучил ревматизм, нажитый в осенних плаваниях по Амуру... К нему добавились начавшиеся болезненные процессы в легких и кишечнике.

21 декабря, в день именин - в Петров день - пришел на свидание вместе с сестрой Еленой Саша. Говорили о том, что он будет читать корректуру книги «Исследования о ледниковом периоде», печатаемой в типографии М. Стасюлевича, и вскоре напишет об этом в письме. Но письма не последовала. А через неделю пришла записка И. С. Полякова, сообщившая, что читать корректуру будет он, а не Александр. Стало ясно: случилось то, чего следовало ждать - брат арестован. Много позже Кропоткин узнал, что причиной ареста было письмо Саши к П. Л. Лаврову, перехваченное жандармами. Не такой уж серьезный повод для жестокой расправы, которую учинили над Александром Кропоткиным, - без суда и следствия его бессрочно выслали в Минусинск. Он поехал в кибитке под охраной жандармов. За ним последовала жена, похоронив ребенка, с которым отцу не разрешили даже проститься. Когда через год двоюродный брат Кропоткиных Дмитрий (харьковский генерал-губернатор) лично вручил царю прошение по поводу вопиющего произвола, Александр II ответил: «Пусть посидит!»

И. С. Поляков подготовил всю рукопись к печати (более 700 страниц с приложением рисунков и карт). Она отпечатана в типографии М. Стасюлевича, но на продажу ее в России положен запрет. Кропоткин увидит свою книгу через два года в Лондоне.

Еще не раз вызывали Кропоткина на допрос, но он по-прежнему отказывался давать показания следователю. Однажды его камеру посетил брат царя великий князь Николай Николаевич. Но склонить Кропоткина к откровенности не удалось и ему.

В конце второй зимы у Кропоткина появились явные признаки цынги: «совсем как на «арктической зимовке», - вспомнил он свой проект северной экспедиции.

С каждым днем состояние ухудшалось. Его перевели из каземата Петропавловской крепости в только что построенный по новейшим правилам тюремной архитектуры Дом предварительного заключения. Здесь условия были, получше. Перестукиваться с другими заключенными можно было целыми днями. Одному своему молодому соседу Кропоткин «простучал» за неделю всю историю Парижской Коммуны. Но здоровье продолжало ухудшаться. После ледяного каземата крепости он оказался в тесной и душной камере, где о семиверстных «походах» уже не могло быть речи. Кровоточили десны, выпадали зубы, желудок отказывался переваривать пищу, хоть и получено было разрешение на доставку еды из дома. Силы быстро оставляли его.

О великом оледенении.

Только работа в какой-то мере поддерживала его. Постоянная мысль о том, что необходимо закончить труд, который никто, кроме него, в России не сделает. На первой странице черными чернилами выведено: «Исследования о ледниковом периоде».

Литературы о льдах накопилось уже немало, но современному исследователю требовалось отрешиться от устаревших, недосказанных, а зачастую и явно нелепых представлений. Кропоткин решил провести тщательный анализ научных заблуждений, и это его серьезный вклад в тогда еще не существовавшую «науку о науке», которая теперь известна как «науковедение». Как случилось, спрашивает он, что «догадка, не основанная на фактах, противоречившая десяткам сделанных уже наблюдений, была принята на веру?» И отвечает: «Причина - косность мышления, нежелание отказаться от привычного...»

А между тем еще в 20-х годах швейцарцы Игнац Венец и Жан Шерпантье утверждали, что в Альпах и Скандинавии ледники в прошлом распространялись значительно шире. Эта гипотеза была сразу же объявлена странной, сумасбродной. На время шло, появлялись новые ее сторонники, непризнанные до поры - Агассис, Чемберс, Гюйо. Уже нельзя было не считаться с большой массой фактов, добытых ими.

Вера в гипотезу плавающих льдин была расшатана трудами целой фаланги талантливых и смелых физико-географов и геологов, но даже Лайелю потребовалось семнадцать лет для того, чтобы поколебаться в своей вере! А вообще ледниковой гипотезе пришлось ждать своего триумфа около сорока лет.

В Предисловии обоснована авторская методика исследований.

«Как ни ценны сами по себе многие факты, приводящиеся в геологических монографиях в подтверждение ледниковой гипотезы, но, взятые единично, они утрачивают бо́льшую часть своей доказательности... Десятки мелких особенностей, не важные сами по себе, но постоянно встречаемые совместно, связанные между собою общей причинною связью... взаимно поддерживают друг друга и, сообщая, составляют уже такую тесно

переплетающуюся сеть, что ни одна ее петля не может быть порвана, не нарушая целости остальных».

«От более простого - к более сложному, от первоначального - к производному» - таков научный метод Кропоткина.

Не спеша, обстоятельно рассказано в книге о путешествиях по Финляндии, даны меткие характеристики ландшафтов и геологических объектов. Но одновременно он излагает свои научные взгляды, подробно рассказывает о спорах, которые вел, например, с академиком А. П. Гельмерсеном в Выборге по поводу «бараньих лбов», валунов и моренных отложений, подтверждая точку зрения данными по обширной «ледниковой литературе».

Работая над книгой, Кропоткин изучил практически всю литературу физики и географии ледников. Сохранившиеся библиографические списки содержат более сотни наименований книг и статей на различных языках. Это прежде всего работы Л. Агасица, Дж. Форбса, А. Гейки (его книга «The Great Ice Age» - «Великий ледяной век» - вышла в Лондоне в 1874 году). Внимательно изучал он и труды русских ученых, касавшиеся проблемы ледникового периода, - Г. С. Щуровского, П. Г. Гельмерсена, Ф. Б. Шмидта, С. С. Куторги...

Интересно замечание Кропоткина, сделанное в примечании одной из страниц. Он говорит о том, что книга Эрдмана имеется во французском (сокращенном издании и оно «для незнающих шведского языка вполне может заменить оригинал». И далее он добавляет: «Можно прибавить только, что занимающимся наносами очень следовало бы ознакомиться со шведским языком, который очень легок для всякого знающего немецкий язык». Сам Петр Алексеевич владел скандинавскими языками, помимо немецкого, французского, английского, итальянского, хорошо говорил и писал на них.

Интереснейшая особенность: факты, которые противники ледниковой гипотезы приводят в качестве возражений, Кропоткин убедительно объясняет как ее подтверждение. Например, отшелушивание поверхности гранитных скал, считавшееся доказательством правильности взглядов Леопольда фон Буха на происхождение куполовидных скал; они будто бы служат отметкой былого уровня моря. Но Кропоткин уверенно возражает: валуны «рассеяны безразлично - как на водоразделах, так и в углублениях страны...» Только движущийся лед мог их разбросать по разным высотным уровням. Наиболее крупные валуны находят ближе к месторождению слагающих их пород, те валуны, которые двигались с ледником дальше, он дробил, шлифовал и покрывал штриховской: сетью царапин. Борозды на валунах, вытянутые в направлении движения ледника - самый веский аргумент в пользу теории широкого распространения ледников.

Работа над книгой в тюремном одиночестве способствовало тому, чтобы Петр Кропоткин не утратил силы духа, так пригодившейся ему вскоре.

Вторая глава книги посвящена знаменитой системе ледниковых отложений Пунгахарью («Свиные горы»). Описание само по себе опровергает гипотезы о происхождении оза, высказанные С. С. Куторгой и Г. П. Гельмерсеном. Первый считал, что старинный вал образован встречным прибоем двух соседствующих озер. Второй, отбросив всякую

возможность ледникового происхождения Пунгахарью, решил, что это остатки некогда сплющенного делювиального покрова. Еще одна гипотеза высказана шведским геологом А. Торнетом. Он считает гряды продуктом деятельности рек (собственно, как и Гельмерсен). Кропоткин подробно рассматривает каждую гипотезу, противопоставляя ей факты, им обнаруженные. И предлагает свое объяснение Пунгахарью - ох, материал которого возник из отложений ледника, преобразованных в результате «чрезвычайно продолжительного озерного периода». Здесь П. А. Кропоткин впервые упоминает период, положение о котором впоследствии специально разовьет.

Раздел книги «Упсальский оз» - один из шедевров кропоткинского естественнонаучного анализа. Прежде чем приступить к разбору проблемы, Кропоткина, будучи не удовлетворен топографическим описанием оза у шведского геолога Эрдмана, дает свое. Фактически он включил в книгу краткий геоморфологический очерк Швеции, который считает необходимым предисловием к рассмотрению расположения озов в пределах этой страны.

Перед читателем проходит картина сложного переплетения валообразных гряд, названных по-шведски «озами». А после детального анализа и топографии, и строения этого вытянутого на десятки километров вала сделан решительный вывод: «Ядро Упсальского оза оказывается... образованием, которое не могло возникнуть действием прибоя или какой бы то ни было воды в ее жидком состоянии... Нам остается, следовательно, обратиться к воде в твердом состоянии, т. е. ко льду...»¹

1 Кропоткин П. А. Исследования о ледниковом периоде. - Зап. РГО по общей географии. СПб. 1876. т. 7, С. 185.

Он, правда, ошибочно назвал оз мореной. Теперь мы знаем, что это отложения текущих потоков внутри ледника. Но важно уже то, что это образование призвано по своему происхождению ледниковым. До этого считалось, что на равнинах никаких морен быть не может. Кропоткин убедительно, даже страстно, доказывает абсурдность подобных представлений - ведь ледник, образовавшийся в горах, выносит на равнину всю отложенную им морену, и не только на поверхности ледника, а придонную и ту, что заключена внутри льда!...

Кропоткин открыл существование в разных районах Земли особого типа ландшафта - ледникового, по которому можно сразу определить, что эта местность в прошлом была занята ледниковым покровом. Этот ландшафт легко узнается в различных частях земного шара там, где встречаются такие формы рельефа, выработанные ледником, как «бараньи лбы», «курчавые скалы», фиорды, цирки, каньоны, профиль которых напоминает латинскую букву «U» и которые специалисты-гляциологи называют «трогами», или корытообразными долинами.

Кропоткин не был гляциологом, да и наука о природных льдах Земли в его времена еще не заняла соответствующего ее значению положения в системе наук, не «обрела самостоятельности». Однако в гляциологию, занимающую сейчас одно из важнейших мест среди наук о Земле, им сделан существенный вклад. Хотя Кропоткин был мало знаком с современными ледниками (видел их издали в Саянах и немного поближе - в Альпах), но в

книге «Исследования о ледниковом периоде» рассмотрел закономерности образования ледников, их движения, нарастания, таяния, зависимость их существования от соотношения тепла и влаги, а также пластические свойства льда, сочетающиеся с хрупкостью, способность ледников к растрескиванию и дроблению при движении; выходя к морю они рождают айсберги.

Он задумался и над тем, как распределяется температура в толще ледника и как тепловая волна из атмосферы проникает в лед, постепенно теряя свою энергию. Здесь Кропоткин сделал важное открытие, предвосхитившее достижение гляциологии, сформировавшейся окончательно к середине XX века. Только тогда получило практическое подтверждение интуитивное предположение П. А. Кропоткина о том, что с глубиной во льду сглаживаются сезонные температурные различия так, что на определенном расстоянии от поверхности лед принимает температуру, равную средней годовой температуре воздуха. А если углубиться в ледник, то можно встретиться с температурой, которую имел воздух в среднем за год в прошлые времена. Таким образом, ледник представляет собой своеобразную «летопись» климата.

Книга Кропоткина направлена против консервативной приверженности устаревшим представлениям. Она была революционной в науках о Земле.

Но здоровье становилось все хуже. Врач сказал, что Кропоткину не протянуть и двух месяцев. Нужно изменить обстановку. Прокурор согласился перевести узника в госпиталь лишь в том случае, если будет дана справка, что он умрет через десять дней. Кропоткина осмотрел ассистент знаменитого физиолога А. М. Сеченова и дал требуемое заключение. И вот он в тюремном отделении военного госпиталя. Громадный госпиталь, вмещавший до двух тысяч больных... В тюремном отделении уже жили двое кружковцев, умиравших от чахотки.

Освободительный побег

Под напором лучей весеннего солнца и свежего воздуха, вливавшегося в открытое окно, болезнь стремительно отступала. Силы возвращались.

Однажды Кропоткин получил записку с воли: «Попроситесь на прогулку». Прогулку разрешили - ежедневно по часу. Было еще очень трудно ходить, но в первый же раз, выйдя во двор, узник увидел то, что заставило его пережить необычайное волнение. Раскрытые ворота на улицу были совсем близко, всего в каких-нибудь ста шагах. За ними - свобода! Ворота раскрывают каждый день, пропуская возы с дровами. Каждый день!

Двор охранялся - вдоль тюремной стены по тропинке вышагивали два часовых. Третий стоял в будке ворот. Но все же возможность побега представилась волнующе реальной. Друзья на воле, с которыми не прекращалась связь шифрованными записками, передававшимися при свиданиях, поддержали идею побега. Кружок, в котором были уже новые люди, лично не знавшие Кропоткина, энергично взялся за подготовку его освобождения. Потребовалось около месяца для того, чтобы найти лошадь, подходящего кучера, разработать систему

сигналов...

Первая попытка была назначена на 29 июня, день Петра и Павла. Сигнал с воли должен быть подан воздушным шариком, отпущенным в небо. Но в этот день у Гостиного двора почему-то не продавалось ни одного детского шарика. Помеха эта оказалась кстати: пролетка с беглецом была бы непременно задержана из-за возов с дровами, которые как раз в это время оказались на улице. Организаторы побега установили на протяжении двух верст своих людей, которые следили за движением. По цепочке передавался условный сигнал о том, что улицы свободны. Узник об этом узнает по звукам скрипки из серенького домика напротив госпиталя, который специально сняли друзья. Об этом Кропоткину сообщила Софья Лаврова в записке, положенной в механизм часов.

В четыре часа дня узника вывели на прогулку. Он начал свое обычное медленное движение по кругу - как всегда, еле-еле переступая ногами. Пусть часовой думает, что сил у него совсем еще мало. Их и на самом деле было немного, но огромна была жажда освобождения.

И вот тишину нарушили две скрипки. Как давно он не слушал музыку! Да еще такую! Это была вихревая, искрящаяся мазурка Антона Контского, популярного тогда польского пианиста и композитора. Теперь нужно предельно сосредоточиться. Сначала так же медленно подойти к той точке круга, которая была ближе всего к воротам. И от нее рвануть напрямую... Но скрипка вдруг замолчала. Что-то случилось. Нельзя бежать. Новый круг...

Через четверть часа мелодия возобновилась. И это был зов свободы, жизни, борьбы! Но снова оборвалась музыка... Стало ясно, в чем дело: в ворота медленно въехали возы с дровами. Еще минута, и звуки мазурки понеслись в бешеном вихре. Часовой в пяти-шести шагах. Он лениво следит, как разгружают крестьяне дрова, сбрасывая их на землю, укладывают в штабеля.

«Все! Сейчас или никогда!» - пронеслась мысль. Молниеносно сброшен халат. И - бег! Через несколько шагов Кропоткин услышал голоса крестьян: «Бежит! Держи его! Лови его!» Они кинулись наперерез. Одновременно за беглецом бросились три солдата и часовой. Тот был так близко, что не считал нужным стрелять, хотя мог бы и даже был обязан, но он старался достать штыком. Штык коснулся спины... Но уже промелькнули ворота... Вот улица! пролетка!

На козлах, отвернувшись, сидел человек, со светлыми бакенбардами, в военной фуражке. Он показался знакомым. И бакенбарды, и фуражка... Не провокация ли это? Ведь так похож на великого князя Николая Николаевича, брата царя. По Петербургу потом распространился слух, что именно он увез Кропоткина.

Кропоткин хлопнул в ладоши. Человек на козлах обернулся. Конечно, это доктор Веймар. Кропоткин вскочил в экипаж. Кучер-«чайковец», Александр Левашов, хлестнул коня, промелькнули ворота госпиталя и толпа народу у них. Все что-то кричали, махали руками, но ничего не делали. Великое дело - неожиданность!

Едва не перевернувшись, пролетка круто свернула с пустынной кавалергардской улицы в тесный переулочек. На ходу Кропоткин надел пальто и цилиндр. Сменил фуражку на цилиндр

и его сосед. Через несколько минут они были на Тверской, потом - на Невском, там остановились у громадного дома на углу Гончарной.

Знакомая квартира сестер Корниловых. Множество людей. Дружеские поздравления, объятия, поцелуи. Ничто, казалось, не изменилось за два года. Но долго здесь задерживаться нельзя: по тайным каналам весть о побеге, безусловно, уже движется в соответствующие инстанции.

Черным ходом два господина в цилиндрах вышли на Гончарную, где их ждал извозчик. Чтоб запутать след жандармов, помчались в места отдыха богатых петербуржцев, на острова, где на одной из дач беглец сможет переночевать. По дороге посетили самый шикарный ресторан - «У Донона», куда жандармы и не догадались бы сунуться.

На следующий день весь Петербург был наводнен сыщиками, у каждого фотография человека с большой бородой. Но к этому времени он уже сбрил свою приметную бороду, и совершенно неузнаваем. В городе все передавали друг другу, что царь, находившийся в Финляндии, был взбешен и распорядился: «Разыскать во что бы то ни стало!»

Друзья укрыли Кропоткина в одной из деревень в окрестностях столицы, а через несколько дней в сопровождении Марка Натансона он выехал за границу, взяв с собой паспорт Левашова.

Неделя поисков прошла безрезультатно. Один за другим следовали прямо в вагоне поезда «верноподданнейшие доклады» генерала Потапова царю, возвращавшемуся в столицу. Без прямых улик, на всякий случай, были арестованы сестра Петра Алексеевича Елена Кравченко и часовой, охранявший арестанта. Не удалось арестовать Софью Лаврову.

А жандармы решили, что беглец, видимо, исчез из Петербурга. Его начали искать за границей. Но почему-то не на севере, а на юге. Для этого в пограничные области Германии и в Швейцарию был командирован жандармский подполковник Смельский. К счастью, он вернулся с еще более невероятным предположением о том, что Кропоткин отправился в Филадельфию на всемирный съезд социалистов.

В Петербурге решено было привлечь к суду смотрителя Николаевского военного госпиталя полковника Стефановича. На него, как на главного виновника побега, было указано в очередном докладе царю в начале сентября. Стефанович был арестован и предан военному суду вместе с двумя рядовыми и надзирателем. Проведя полгода в заключении, он умер. «Но «дело о побеге» мятежного князя не было закрыто. В январе 1879 года жандармы получили сообщение о том, что якобы Кропоткин намерен «тайным образом» проникнуть в Россию. В пограничные пункты были разосланы приказы о задержании государственного преступника Петра Кропоткина. А еще через два года без веских доказательств ему приписали организацию закончившегося убийством покушения народовольцев на Александра II.

П. А. Кропоткин

Об идеале будущего строя (1874) 1

1 Былое. М. 1922, N 7, С. 6-38.

“ Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя?

Я полагаю, что должны.

Во- первых, потому что в идеале мы можем выразить наши надежды, стремления, цели, независимо от практических ограничений, независимо от степени осуществления, которой мы достигнем, а эта степень осуществления определится чисто внешними причинами.

Во- вторых, потому что в идеале может выразиться, на сколько мы заражены старыми предрассудками и тенденциями. Если некоторые бытовые стороны покажутся нам так святы, что мы не посмеем их коснуться даже при разборе идеальном, то насколько же велика будет наша смелость при практическом уничтожении всяких бытовых особенностей. Другими словами, хотя умственная смелость вовсе не есть ручательство за смелость практическую, но умственная мысльобязнь есть уже, наверное, мерило мысльобязни практической.

Говоря об определении идеала, мы, конечно, имеем в виду определение только 4-5 крупных черт этого идеала. Все остальное должно быть неумолимым осуществлением в жизни этих основных начал. Поэтому оно не может быть предметом обсуждения теперь. Формы осуществления не могут быть проведены научным путем. Практически они могут быть выведены только путем многократным практического обсуждения незадолго до и во все время осуществления на месте, в общине, в артели, а не теперь, при зарождении дела.

Под идеалом мы разумеем такой строй общества, прогресс которого основан не на борьбе людей с людьми, а людей с природою.

Нет никакого сомнения в том, что между различными социалистами, самых разнообразных оттенков, существует довольно полное согласие в их идеалах, если взять их в самой общей форме. Общественный быт, которого осуществления они желали бы в более или менее близком будущем, вообще довольно одинаков, и различия между их идеалами скорее происходят не от коренных различий в идеале, а от того, что одни сосредоточивают все свое внимание на таком идеале, который может, по их мнению, осуществиться в ближайшем будущем; другие - на идеале, по мнению первых, более отдаленном, - чем от коренных различий в самом идеале.

В самом деле, все теперешние социалисты стремятся к возможно более полному равенству условий развития отдельных личностей и обществ.

Все они желали бы осуществления такого строя, чтобы каждый имел одинаковую возможность заработать себе средства к жизни личным трудом т. е. чтобы каждый имел бы одинаковое право на пользование теми орудиями труда и сырьем, без которых никакой труд невозможен... чтобы распределение полезных занятий в обществе было такое, при котором невозможно образование класса, занятого пожизненно, а тем более наследственно, исключительно привилегированным трудом, т. е. трудом более приятным, менее тяжелым и менее продолжительным, но дающим право на одинаковое благосостояние с прочими, или даже больше: чтобы каждый имел одинаковую возможность наравне со всеми остальными, получить то теоретическое образование, которое ныне составляет удел лишь немногих, чтобы отношения отдельной личности ко всем остальным были бы таковы, при которых, пользуясь наибольшей суммой благ от этих отношений, она несла вместе с тем наименьшее количество стеснений ее личной свободы и ее личного развития...

...Такова программа громадного большинства, едва ли не всех социалистов нашего времени. Даже те, которые, по-видимому, проповедуют идеал совершенно иной, те, которые, напр. проповедуют в конечном идеале государственный коммунизм или иерархический строй и т. п., в конце концов, желают того же; и если они сосредоточивают сильную власть в руках или правящего меньшинства, или выборных старцев и, таким образом, приносят в жертву, напр., личную самобытность, то отнюдь не потому, чтобы они не придавали ей никакой цены или считали ее вредной, но только потому, что они не находят возможным осуществление такого строя, при котором все четыре формы равенства осуществлялись в одинаковой мере и жертвуют одною из форм для достижения прочих. При этом никто из живых последователей этих ученых социалистов и не думает, чтобы какая бы то ни было общественная форма могла закаменеть и не подлежать дальнейшему развитию...

Версия #2

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 5 июля 2025 18:14:56

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 5 июля 2025 18:19:56